

А.Д.Максимов, Ю.В.Николаев

«Мягкая сила» Китая в странах Андского сообщества наций

В представленной статье авторы, анализируя ряд кейсов, приходят к выводу, что «мягкая сила» КНР, несмотря на ее медленные (по сравнению с США) темпы раз-
вертывания, постепенно привлекает все большую аудиторию в латиноамериканских
государствах. В то же время благодаря тщательно продуманной наступательной
культурной политике поглощения и «захвата» КНР расширяет свое экономическое
и политическое влияние в регионе.

Ключевые слова: Латинская Америка, Китай, мягкая сила, Перу, Колумбия, Бо-
ливия, Эквадор.

DOI: 10.31857/S0044748X0018831-3

Статья поступила в редакцию 12.10.2021.

На протяжении последних лет, по мере активизации связей Китая со стра-
нами Латинской Америки (ЛА), бурно развивается и исследование этих от-
ношений. Китайская народная республика (КНР) осуществляет свое проник-
новение в страны региона посредством оказания финансовой помощи и пря-
мых иностранных инвестиций (ПИИ), а также в рамках тесных двусторон-
них отношений [1, р. 47]. Политика Китая реализуется на базе модели *win-
win*, где все остаются в выигрыше. ЛА — важный, ресурсоемкий регион, ко-
торый не против взаимодействовать с кем-либо еще, кроме США.

Стоит подчеркнуть, что курс Вашингтона по отношению к странам Ла-
тинской Америки с 2000 г., как отмечает российский политолог Илья Ана-
тольевич Соков, менялся несколько раз [2, р. 172]. Это — и проведение жест-
кой политики по отношению к левым режимам при Джордже Буше-мл.
(2001—2009 гг.) [3], и «прямая дипломатия» без предварительных условий,
и непоследовательная «мягкая сила» при Бараке Обаме (2009—2017 гг.) [4],
а также «жесткая сила» Дональда Трампа (2017—2021 гг.), отражением ко-

Аркадий Дмитриевич Максимов — специалист Комитета по внешним связям
Санкт-Петербурга, аспирант СПбГУ (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб.,
7/9, maksimovarkadiy96@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0837-2197>); Юрий Викторо-
вич Николаев — аспирант СПбГУ (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб.,
7/9, yura.nik95@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4112-3563>).

торой американский ученый Грегори Уикс и его российский коллега Владимир Петрович Сударев считают строительство пограничной стены с Мексикой и попытку смены режима в Венесуэле [5]; [6, pp. 8-9]; [7, с. 7]). А политика Китая за последние 20 лет была намного более последовательной. Пекин сделал ставку на собственную экономику. В результате торговый обмен со странами ЛА за период 2000—2008 гг. вырос в 14 раз [8].

Как отмечает индийский политолог Роби Варун, в то время как западные державы исторически использовали дипломатию «жесткой силы» для продвижения своих интересов в ЛА, Китай заключил двусторонние соглашения, продвигая межрегиональный подход и используя дипломатию «мягкой силы» [9, p. 236]. С ним согласны и другие авторы. Так, акцент делается на том, что у КНР нет продолжительных культурных контактов с ЛА. Отмечаются «усиливающийся расизм по отношению к китайцам» и «культурное непонимание» в странах ЛА. В то же время Китай прилагает значительные усилия для завоевания латиноамериканского региона не только посредством экономических проектов, но и путем установления культурных связей через Институты Конфуция и отношений между городами-побратимами. Огромное расстояние между Китаем и ЛА создает трудности как в налаживании отношений в целом, так и, в частности, в сфере логистики. Однако, несмотря на это, как указывают в совместной работе представители университетов Питтсбурга и Валенсии Скотт Моргенштерн и Асбель Бохигэс, между странами нет серьезных конфликтов [10, p. 287].

Стоит также отметить наличие цензуры в деятельности Институты Конфуция. Независимые и критично настроенные деятели культуры не могут быть представлены за границей. Например, институт профинансировал участие близких режиму писателей (А Йи, Си Чуань) в известных литературных фестивалях в Колумбии и Аргентине, предложив латиноамериканским издательствам безвозмездно перевести книги, при этом критически настроенных авторов (Ляо Юу или Церинг Осер) никогда не приглашали [11]. Это создает впечатление отсутствия альтернативы официальной версии культуры Китая.

КНР заботится и о расширении медиавлияния в ЛА, увеличивая поддержку своих издательских компаний и СМИ на испанском языке в регионе: новостной канал *CGTN*, информационное агентство «Синьхуа», ежедневная газета *Diario del Pueblo* (испаноязычная версия «Жэньминь жибао») [12], интересы которых, как отмечают чилийские политологи Изабель Родригес Аранда и Диего Лейва Ван де Маэле, сосредоточены на Эквадоре, Венесуэле, Боливии и Никарагуа [13, p. 505]. Тут во внимание принимались левые идеи властей этих стран (Эквадора — лишь до 2017 г.), близкие китайской официальной идеологии. В собственно латиноамериканских СМИ положительный образ Китая пока только формируется, но, поскольку КНР является важным глобальным игроком, СМИ увеличивают количество новостей о данном акторе [14, p. 14]. Пекин, со своей стороны, в рамках инициативы «Один пояс, один путь» считает важным преодолеть «недоверие и предубеждения» по отношению к КНР в мире. С этой целью Поднебесная развивает сотрудничество с латиноамериканскими СМИ, публикуя информацию как в странах, уже присоединившихся к данному проекту, так и в тех, где этот вопрос лишь обсуждается [15, с. 82].

Образ Китая, созданный латиноамериканцами, важен для понимания того, как местное общество видит взаимодействие своих стран с КНР. Рост экономического влияния азиатского гиганта в латиноамериканских странах делает Китай, по оценке немецких исследователей Веры Айхенауэр, Андреаса Фухса и Лутца Брюкнера, идеальным примером для исследования связи между его международной экономической деятельностью и формированием общественного мнения в развивающихся странах [16, р. 484]. Общественное мнение — важный показатель эффективности стратегии Китая в регионе, а также его способности привлекать и убеждать латиноамериканское общество. Среди латиноамериканцев есть понимание того, что КНР является влиятельным игроком в регионе, роль которого в течение следующего десятилетия будет только расти. Согласно опросам Латиноамериканского проекта общественного мнения в 2012 г., 1/3 респондентов заявила, что Китай к 2022 г. станет самой влиятельной страной в ЛА, при этом большинство опрошенных не считают его модель развития предпочтительной [17, р. 2].

Однако, несмотря на миллиарды долларов, направляемые Китаем на различные проекты, по мнению американского политолога Дэвида Шамбо, КНР еще только предстоит увидеть какие-либо улучшения своего глобального имиджа. Так, исходя из опроса вашингтонского Исследовательского центра Пью, в 2013 г. дефицит «мягкой силы» Китая очевиден даже в государствах Африки и ЛА, в тех регионах, где, как можно было бы думать, привлекательность страны будет наиболее сильной [18, р. 107].

Позицию Д.Шамбо разделяет и ряд других ученых (в этом плане можно отметить авторов из КНР Хе Шуанрона, Ву Байцзы, Юаня Донжана, Дона Цзиншэня, Яна Цзямина, Шу Жэнцзиня, Чжан Шисю), подчеркивающих, что вопреки значительному прогрессу, достигнутому между КНР и латиноамериканскими странами в сфере торговли, уровень культурных и гуманитарных отношений совсем низок, а туристический обмен непропорционален [19, р. 316]. В связи с этим по уровню развития и культурного взаимодействия дистанция между Китаем и ЛА сохраняется, тогда как отношения, например, со странами Евросоюза в этом плане наиболее тесны [19, р. 317].

Продвижение китайской культуры в ЛА является самой слабым из направлений «мягкой силы». Как правило, латиноамериканское общество имеет поверхностные знания о КНР, черпая их, в основном, из СМИ [19, р. 319]. При этом не всегда общественное мнение позитивно. Так, в Колумбии образ Китая нередко связан с негативным мнением относительно новостей, касающихся продовольственной безопасности в КНР, а в Перу преобладающее число негативных отзывов относится к китайской контрабанде корня маки — съедобного растения известного своим ободряющим эффектом и являющегося символом Перу, имеющего значительную экономическую ценность и запрещенного к экспорту в сыром виде [20, р. 337].

Реальные факты применения Китаем «мягкой силы» в отношении развивающихся стран ЛА свидетельствуют о его стремлении поделить своим культурным опытом. Несмотря на то, что многие считают, что КНР хочет «захватить» новые регионы и «подчинить» их своему влиянию, пока наблюдается благоприятное развитие межкультурных связей. Насколько чисты намерения «великого азиатского дракона», покажет время [21, р. 16].

Рассмотрение влияния КНР на страны ЛА через «мягкую силу» является новым направлением для изучения. Большинство существующих исследований посвящено китайскому экономическому завоеванию латиноамериканского рынка, тогда как писать о «мягкой силе» Китая на Западе непопулярно. Ее зачастую приравнивают к пропаганде или считают неуниверсальной и неэффективной (за исключением стран Азии). На наш взгляд, такой подход является неверным. Если рассматривать «мягкую силу» в классической трактовке Джозефа Ная — как набор инструментов, цель которых — достижение желаемых результатов через привлечение, а не принуждение или подкуп [22, р. 10], — то становится очевидно, что «мягкая сила» КНР показывает себя эффективно в странах с иной культурой. Китайская «мягкая сила» более комплексна, чем «мягкая сила» США, сумевшая в свое время найти ключ к сердцам людей через массовую культуру. Пекин поставил перед собой более сложные задачи, заключающиеся в преодолении цивилизационного барьера и культурного недопонимания. Как справедливо отметили в своем недавнем исследовании В.Эйхенауэр, А.Фухс и Л.Брюкнер, у Китая «большой послужной список», и в скором времени США придется активизировать свои усилия в деле конкуренции с ним, если Вашингтон «хочет сохранить статус лидера на своем «заднем дворе»» [16, р. 496].

Документом, регулирующим отношения КНР со странами латиноамериканского региона, стала опубликованная в 2008 г. китайским правительством «Белая книга о Латинской Америке и Карибском бассейне», в которой освещаются ключевые сферы взаимодействия и содержатся рекомендации по осуществлению кооперации. В документе отмечалось, что мир эволюционирует в сторону многополярности, а КНР стремится к мирному взаимодействию с регионами мира. Пекин придерживается пяти принципов: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное ненападение, взаимное невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование [23]. В новой редакции «Белой книги» (2016 г.) акцент был сделан на глобальных отношениях вместо двустороннего сотрудничества: «Китай поощряет свои предприятия к осуществлению трехстороннего сотрудничества... в странах Латинской Америки и Карибского бассейна с соответствующими сторонами на основе коммерческих принципов» [24].

Существенным фактором, влияющим на отношения между Китаем и странами ЛА, является тайваньский вопрос: десять государств до сих пор поддерживают дипломатические отношения с Тайванем, а не с КНР [25, р. 41]. В латиноамериканском регионе довольно долго «настоящим Китаем» считался именно Тайвань (Китайская Республика), а не КНР. Первой страной, установившей в 1960 г. дипломатические отношения с КНР, стала Куба [26, р. 21]. В 1971 г. с принятием резолюции 2758 ГА ООН и признанием за КНР права представлять Китай в организации, латиноамериканские государства постепенно отказываются от признания Тайваня (в 1971 г. это сделали Эквадор и Перу, в 1980 г. — Колумбия, в 1985 г. — Боливия) [27, р. 281]. Особенно заметной стала эта динамика после визита председателя Госсовета КНР Чжао Цзяня (1980—1987 гг.) в ряд стран ЛА [28, р. 6]. При этом, как указывала мексиканская исследовательница Марисела Коннелли, Тайвань проводил и продолжает проводить активную культурную и экономическую

политику в регионе, популяризуя китайские язык и культуру и ведя пропаганду против КНР [27, р. 281]. В данный момент Перу, Эквадор и Колумбия продолжают поддерживать с Тайванем отношения в рамках экономического и культурного диалога [26, р. 36].

Целый ряд авторов анализирует «мягкую силу» КНР как в целом в ЛА, так и в отдельно взятых странах и субрегионах. Наиболее комплексным исследованием по теме можно считать работу «Влияние торговли, помощи и инвестиций на имидж Китая в Латинской Америке» [16], в которой проанализированы данные соцопросов среди граждан 18 государств Западного полушария. Тем не менее авторам данной статьи представляется, что учет данных социологических опросов не может быть безупречным способом исследования, поскольку это оказывается работой с общим, а не частным материалом. Напротив, для исследования «мягкой силы» КНР мы считаем важным в рамках *case-study* оценить результаты применения китайской «мягкой силы» и пути достижения этих результатов. Данный подход является более показательным способом восприятия «мягкой силы» и фактически демонстрирует наглядный результат долгого процесса по реализации всего ее инструментария. Этот метод был применен в работе американского ученого Эвана Эллиса [29]. В то же время важно подчеркнуть, его исследование датировано 2011 г., и в нем не учтены многие глобальные мировые трансформации и явления, включая пандемию *COVID-19*.

Тема, выбранная для исследования, является уникальной для комплексной оценки эффективности влияния «мягкой силы» КНР в определенном блоке стран ЛА на базе использования наиболее актуальных современных кейсов. Авторы предприняли попытку оценить влияние Китая в выбранной группе стран, а также тенденции, которые могут быть унифицированными. В качестве основного критерия оценки используются конкретные результаты деятельности КНР на латиноамериканском направлении. Дополнительным критерием оценки служат количественные показатели, например, рост числа латиноамериканцев, заинтересованных в изучении китайских языка и культуры, что является прямым доказательством эффективности применяемых Китаем инструментов «мягкой силы». Для раскрытия деталей и сути политики Пекина в странах региона применялся контент-анализ, где рассмотрен массив текстов и документов, посвященных отношениям КНР со странами ЛА, включая публикации в СМИ. Количественный и сравнительный методы задействованы для анализа оценки эффективности влияния «мягкой силы» КНР в выделенной группе стран.

Выбор Перу, Боливии, Колумбии и Эквадора неслучаен. Эти государства входят в Андское сообщество наций (*Comunidad Andina de Naciones, CAN*), которое долгое время оказывалось в какой-то мере близко в идеологическом плане к ценностям и идеям Китая. На протяжении длительного периода времени США пытались играть в этих странах заметную роль, стараясь влиять на сами правительства и на внутривнутриполитическую обстановку. Тем не менее, по оценке британского политолога Рубена Гонсалеса-Винсенте, с началом левого поворота в ЛА Китай активизировал свою политику в регионе, пытаясь найти там новых союзников. Ими стали некоторые государства, во главе которых оказались представители левых сил — Боливия, Эквадор и Венесуэла. Влияние США при этом, конечно, не исчезло полностью. По сути,

китайское и американское влияния дополняют друг друга в формировании новых траекторий развития [30, р. 211].

ПЕРУ

Первые рабочие-кули из Китая появились в Лиме еще на рубеже XVI—XVII вв. К 1613 г. в Лиме насчитывалось 114 азиатов [31, р. 134]. В период 1849—1874 гг. китайские иммигранты стали прибывать в Перу из южных районов Китая — Гуандуна и Гонконга в количестве 80—100 тыс. человек для работ на тростниковых плантациях [32, р. 116], затем — для строительства дорог и работ в горнодобывающей промышленности. Согласно переписи населения 2017 г., в стране проживали более 31 млн человек, из которых 14 тыс. (0,06%) самоопределялись как китайские перуанцы — тусан (*tusán*) [33], а 15% перуанцев имеют в генеалогическом древе как минимум одного родственника-китайца [34, р. 382].

Перу — первая латиноамериканская страна, установившая дипломатические отношения с Китаем (1875 г.) [35] и одна из первых стран ЛА, установивших дипломатические отношения с КНР после признания Китая странами Запада в 1971 г. В 2010 г. КНР и Перу подписали Соглашение о свободной торговле [36]. На улицах Лимы можно увидеть рестораны с надписью *CHIFA* — уникальный знак китайских ресторанов в Перу. Это название происходит от слова «чифа» (на гуанчжоуском диалекте «готовим рис»), которым перуанцы обозначали всю еду китайского происхождения [37], ставшую частью национальной кухни. Чифа также распространилась в Боливии и Эквадоре [38, pp. 125-126].

Следует обратить особое внимание на роль самих перуанцев в знакомстве соотечественников с КНР. В их числе — путешествовавший по Китаю в середине XX в. журналист Антонио Аэрсо и знаменитый синолог и переводчик Гильермо Данино Рибатто (в Китае он известен также как киноактер) [39, с. 269]. Г. Данино Рибатто, опубликовавший более 20 книг, отмечал: «Я стал свидетелем того, как в стране произошел экономический бум, как она освободилась от нищеты, голода и безработицы, как стала настоящей державой. Говорят, что никогда в мировой истории ни одна страна не развивалась столь бурно за такое короткое время... Это стало возможным, потому что все работают, все делают все возможное, чтобы развивать свой дом» [40].

Тот факт, что в ЛА работают 40 Институтов Конфуция, основная цель которых состоит в распространении китайского языка и культуры, является весьма показательным. Вовлечение стран региона в данный проект свидетельствует об интересах КНР к последнему. В Перу на сегодняшний день работают четыре Института Конфуция, в которых обучается более 6000 студентов. Именно в этой стране появился второй одноименный латиноамериканский институт [41]. Стоит также отметить государственную поддержку (в виде стипендий). На 2016 г. в Китае проходили обучение 603 студента из Перу (четвертое место среди стран ЛА) [42].

Нередко Институты Конфуция пытаются квалифицировать как пропагандистские центры коммунизма в странах-реципиентах, но если сравнивать данный инструмент «мягкой силы», например, с американским, то у китайского подхода можно выявить много плюсов [43]. Так, отечественный

политолог Василиса Сергеевна Зверева указывает: «В противовес мнению, представляющему Китай в качестве «угрозы», институты призваны истолковывать латиноамериканцам конфуцианские ценности, заложенные в основу внешней политики КНР» [44, с. 175]. Стратегические коммуникации — при отсутствии навязывания китайской модели развития — заметно способствовали укреплению позиций КНР в регионе. Профессор Сианьского университета международных исследований Ли Фанзюнь отмечает важность Институтов Конфуция в деле развития инициативы «Один пояс, один путь»: «Если местные жители будут лучше понимать нашу страну, сотрудничество станет более гладким. Разница между «мягкой силой» Китая в Латинской Америке и США заключается в том, что с Китаем это — беспроблемные отношения, тогда как с США — игра с нулевым результатом. Китай выступает за глобализацию» [45].

Перу оказалось первой страной континента, в которой китайцы сделали крупные инвестиции в сырьевые товары. *Shougang* приобрела медный рудник в Марконе в 1992 г. [46]. В дальнейшем отношения Китая с Перу активно расширялись как при левых, так и при правых правительствах: при неолиберальном кабинете Алана Гарсиа (2006—2011 гг.) и при сменившем его левонационалистическом правительстве Ольянты Умалы (2011—2016 гг.). В 2008 г. Китай превратился в крупнейшего торгового партнера Перу, а в 2018 г. стал инвестором, доминирующим в горнодобывающей сфере (24%). Значительное присутствие КНР наблюдается в сфере производства и передачи электроэнергии (14%), телекоммуникаций (18%), финансов (18%) и промышленного производства (12%) [47, р. 34].

Отмечается ограниченная роль этнических китайцев в ЛА. Несмотря на существование крупных и укоренившихся китайских общин в Перу, Эквадоре, Панаме и Бразилии, китайские иммигранты в регионе исторически стремились не привлекать к себе внимание и занимались управлением ресторанами или бакалейными магазинами. В результате в XXI в. латиноамериканцы китайского происхождения играют относительно слабую роль в продвижении китайских интересов в регионе [48, с. 910].

Растущее влияние Пекина было продемонстрировано во время инцидента осенью 2020 г., когда китайский рыболовный флот нарушил морские охраняемые территории Эквадора вокруг Галапагосских островов. США обвинили Китай в нелегальном вылове рыбы, нарушении морских границ и нанесении вреда экологии. Между тем Эквадор и Перу — непосредственные участники инцидента — заявили, что ничего не произошло; президент Перу Мартин Вискаarra (2018—2020 гг.) заявил, что КНР не нарушает исключительной экономической зоны латиноамериканских государств [49]. Спустя некоторое время Чили, Колумбия, Эквадор и Перу объединили силы для борьбы с незаконным промыслом, при этом никто из них не стал обвинять Китай [50]. Такая позиция латиноамериканских стран, тесно связанных с КНР в экономическом, политическом и культурном отношении, позволяет считать, что применение Китаем «мягкой силы» является эффективным.

БОЛИВИЯ

Китай участвовал в создании Боливийского космического агентства и запуске первого спутника, предоставлял займы, в том числе на модернизацию

инфраструктуры в районе Оруро [51]. С 2009 по 2015 г. Боливия получила от государственных банков КНР ссуды на сумму 1,6 млрд долл. В октябре 2015 г. правительства обеих стран договорились о расширении финансирования Китаем проектов развития Боливии, запланированных на 2016—2020 гг. [52].

Дипломатическое взаимодействие Боливии и Китая на президентском уровне усилилось после 2011 г., когда боливийский лидер Эво Моралес (2006—2019 гг.) во второй раз посетил Пекин. Позже Э.Моралес отметил заинтересованность Боливии в китайских ПИИ, обещая хороший деловой климат для инвесторов из Поднебесной [52]. Были достигнуты договоренности о продвижении сбалансированной торговли и сотрудничества в энергетике, сельском хозяйстве, инфраструктуре, технологиях, авиации и финансах [52]. КНР взяла на себя роль передовой страны — экспортера капитала, а Боливия — развивающейся, специализирующейся на природных ресурсах и желающей технологических и капитальных вливаний из Китая. Боливия была приглашена к участию в инициативе «Один пояс, один путь», а в январе 2021 г. в ходе общения председателя КНР Си Цзиньпина (2013 — н/в) и президента Луиса Арсе (2020 — н/в) стороны договорились активизировать кооперацию [53]. В целом Боливия во взаимоотношениях с Китаем является неравным партнером, готовым пойти на многие уступки, чтобы получить инвестиции. Пекин не стремится резко увеличивать масштаб вложений в экономически плохо развитую Боливию, но поддерживает с ней теплые отношения для того, чтобы она оставалась в сфере его влияния.

В 2011 г. КНР начала активно задействовать в Боливии свою «мягкую силу». Так, в Кочабамбе был открыт единственный в стране Институт Конфуция при Университете Майор де Сан-Симон [54]. Дополнительным стимулом к улучшению китайского имиджа стала пандемия коронавируса. Кризис, вызванный *COVID-19*, очень сильно ударил по странам ЛА, которым для преодоления сложной ситуации потребовались вакцины, маски и медицинское оборудование, однако наладить собственное производство в короткие сроки оказалось крайне сложно. Китай же в рамках «дипломатии масок» сумел стремительно стать важным поставщиком всего, что было необходимо для борьбы с инфекцией. В феврале 2021 г. китайская компания *Sinopharm* подписала соглашение с правительством Боливии на поставку полумиллиона доз вакцины до конца февраля (из них 100 тыс. были направлены бесплатно). Это получило высокую оценку со стороны президента Луиса Арсе [55]. Поставки осуществляются не только по линии государственных органов КНР, но и по линии отдельных меценатов и даже таких технологических гигантов, как *Huawei* [56]. В то же время важно помнить, что конкурентами Китая в этом плане являются Россия, которая подписала с Боливией соглашения о поставке вакцины *Sputnik V*, и Индия, поставляющая препарат *AstraZeneca*. Ла-Пас также участвует в поддерживаемой Всемирной организацией здравоохранения инициативе *COVAX*, направленной на обеспечение равного доступа к вакцинам [55].

Всесторонне оценить реальные успехи инструмента «мягкой силы» КНР применительно к пандемии пока сложно, поскольку борьба с *COVID-19* не окончена. Кроме того, как справедливо отмечают авторы доклада авторитетного Фонда Карнеги, китайская «дипломатия масок» является не столько

централизованным продуктом единой национальной политики, сколько смесью действий различных китайских спонсоров [56].

КОЛУМБИЯ

30 сентября 1977 г. в Колумбии была создана Ассоциация колумбийско-китайской дружбы (*Asociación de la Amistad Colombo-China*), первоначальной задачей которой было установление дипломатических отношений между КНР и Республикой Колумбия. Ассоциация охватывала различные общественные организации, представителей политических и деловых кругов, объединенных убежденностью в том, что Колумбия не может проводить всеобъемлющую внешнюю политику без признания КНР единственным представителем всех китайцев [26]. После установления в 1980 г. дипломатических отношений между двумя странами курс ассоциации был направлен на укрепление культурного, академического обмена и политического диалога. До 2020 г. она организовала более 150 поездок для 10 тыс. путешественников, издала 17 выпусков ежегодного журнала *Amigos de China* и провела культурные недели с участием десятков академических центров по всей стране. Ассоциация возглавила создание Латиноамериканской и Карибской конфедерации дружбы с Китаем [26; 57].

Культурно-ознакомительную лепту вносят города-побратимы, хотя подобные связи в Колумбии носят больше формальный характер. Побратимами оказался целый ряд городов, среди которых Богота, Шанхай, Медельин, Нанкин, Пекин. В период пандемии 2020 г. Нанкин пожертвовал 30 тыс. медицинских масок колумбийскому городу-побратиму Барранкилья [58].

Для колумбийского города Ибаге работа по обмену и сотрудничеству в рамках глобализации, а также заключение соглашений и союзов на муниципальном уровне имеет важное значение. Установление побратимства в 2016 г. с китайским городом Чэнду, известным тем, что там ведутся серьезные работы по сохранению азиатских панд, представляется наиболее важным. По оценке мэра города, данная кооперация позволит «поддержать развитие культуры и музыки колледжа *Amina Melendro de Pulecio*, а также внедрить в учреждениях изучение мандаринского варианта китайского языка, чтобы вести прямой разговор, который позволит колумбийцам ближе познакомиться с китайской культурой, гастрономией и туризмом» [59]. В ходе визита китайской делегации в Ибаге местные жители смогли оценить представления и пьесы Сычуаньской Оперы в рамках празднования китайского Нового года [59].

«Мягкая сила», осуществляемая КНР в Колумбии в сфере образования, нашла свое отражение в создании с 2007 г. трех Институтов Конфуция в качестве некоммерческих учебных заведений. Данные институты открываются по инициативе различных заинтересованных сторон: от правительственных структур и органов местного самоуправления (Государственной канцелярии по распространению китайского языка за рубежом министерства образования КНР (*Hanban*), посольств обеих стран, мэрии Боготы и Медельина) до колумбийских образовательных организаций. Социолог Инни Марсела Бланко Рубиано отметила, что в Колумбии даже было сделано исключение, и в Боготе были основаны сразу два Института Конфуция — при Университете Хорхе Тадео Лосано и при Университете Анд [60, pp. 82-83].

На 2016 г. в Китае по правительственным стипендиям обучались 1090 колумбийских студентов [42], в итоге Колумбия вошла по этому показателю в пятерку государств, отправивших на учебу в азиатскую страну наибольшее число людей. Проявлением «мягкой силы» являются и культурные мероприятия. 7 февраля 2021 г. в преддверии китайского Нового года в Колумбии состоялись специальная церемония, конкурс украшений, виртуальные выставки. Целью подобных празднований является знакомство с историей и традициями китайского календаря и его символами через постановки и красочные шоу [61].

В Колумбии проживают около 25 тыс. китайцев различного происхождения [62], прежде всего в Боготе. В последние годы китайский бизнес распространяется по всему городу, предлагая товары по низким ценам, что ставит колумбийскую продукцию в невыгодное положение. Кроме того, китайцы платят в несколько раз больше за покупку помещений (известны случаи, когда изначальная стоимость составляла 250 млн долл., тогда как китайские предприниматели предлагали 1 млрд долл.). В случае аренды китайцы платят на несколько лет вперед, что никак не регулируется властями. Это создает препятствие для местных бизнесменов [63], тогда как китайским предпринимателям удается открыть свое дело без какой-либо конкуренции на местном рынке.

В 2007 г. в Колумбии был создан Китайский исследовательский центр по управлению, профессиональной подготовке, консультированию и междисциплинарным исследованиям в области международных отношений, а также в области традиционной китайской культуры и медицины. Это — первая частная организация, которая разработала курсы китайского языка в стране. Ее основатели — колумбийцы, но среди сотрудников всегда есть и граждане Китая [64, pp. 99-100]. Центр стал партнером Национального университета Колумбии в деле организации китайской кафедры, поддерживаемой посольством КНР в Колумбии и Банком Республики. Центр также является членом Ибероамериканской сети центров синологии [64, p. 100].

В 2007 г. в Боготе был основан Колумбийско-китайский культурный фонд, главная миссия которого — обучение китайскому языку, продвижение китайской культуры и межкультурного обмена. Фонд также предлагает курсы испанского языка для китайских граждан, курсы боевых искусств и стипендии для обучения в КНР [64, pp. 100-101].

Политика, проводимая Пекином в отношении Колумбии, сосредоточена на повышении представленности страны на глобальном уровне, налаживании прочных и взаимовыгодных отношений, развитии населения, содействии экономическому и культурному обмену и сотрудничеству. Китайские инвестиции и пожертвования, направляемые в Колумбию, затрагивают социальное и культурное развитие, что нашло отражение в повышении интереса колумбийцев к изучению языка, культуры и истории КНР, а также способствует улучшению имиджа этой страны.

ЭКВАДОР

Эквадор установил дипломатические отношения с Китаем 2 января 1980 г., спустя девять лет после выдвинутой латиноамериканским госу-

дарством инициативы на ГА ООН в пользу предоставления КНР законного представительства китайского народа [65, р. 10]. В 2016 г. в ходе визита председателя Си Цзиньпина стороны заявили о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, а также провели обмен мнениями по двусторонней повестке дня, подтвердили приверженность принципам взаимности сотрудничества и обмена персоналом в области образования, культуры, здравоохранения, спорта и туризма [66].

У Эквадора и КНР имеется ряд городов-побратимов. Первое соглашение было подписано в 1993 г. городами Куэнка и Хуайань [67]. Среди эквадорских городов с самой представительной китайской диаспорой — Гуаякиль, имеющий с 2001 г. соглашение о побратимстве с Шанхаем [68]. Всего подобные соглашения имеют шесть эквадорских городов и один кантон, что говорит о важности углубления контактов на местном уровне. Укреплению связей Китая с Эквадором способствовал «левый поворот», который произошел в годы правления Рафаэля Корреа (2007—2017). Ориентация правительства Р. Корреа на активное развитие отношений с Китаем позволила расширить возможности для построения положительного образа КНР в регионе [48, с. 909].

Первые китайцы прибыли в Эквадор в 1870 г., начав заниматься сельским хозяйством и торговлей. В 1908 г. была создана Благотворительная организация китайской колонии в Эквадоре (*La Sociedad de Beneficencia de la Colonia China del Ecuador*), осуществлявшая легализацию и поддержку китайцев в этой стране. В 2018 г. в честь юбилея в организации прошло награждение китайцев, сыгравших важную роль в развитии двусторонних отношений. Среди награжденных был выдающийся представитель китайских боевых искусств, обучавший сотрудников Национальной полиции и вооруженных сил Эквадора, Виктор Чанг [69], что демонстрирует широкий охват китайского присутствия в этой латиноамериканской стране.

В то же время в ряде городов китайская община продолжает занимать основные позиции в торговле, способствуя развитию экономики и являясь источником рабочих мест. Основным китайским бизнесом в Эквадоре стали торговля одеждой, бытовой техникой, предметами домашнего обихода, а также кабинеты народной медицины. В Кито китайский бизнес сосредоточен на проспекте Амазонас и 10 Августа, а также в секторе Техар. Китайцы привлекают местных жителей, продавая свои товары по низким ценам, а арендодатели помещений предпочитают работать только с китайскими предпринимателями, потому что те платят за аренду в несколько раз больше, чем эквадорские [70]. Одним из преимуществ иммиграции является смешение культур, что дает жизнь новым продуктам. Сохраняя свои традиции, китайские иммигранты в то же время стремились ассимилироваться и найти общий язык с эквадорцами. Ярким примером служит известное в Эквадоре блюдо *chaulafán* — сочетание китайских ингредиентов и формы приготовления с добавлением эквадорских кулинарных традиций.

В Эквадоре есть Институт Конфуция при Университете Св. Франциска в Кито, открытый в 2010 г. По состоянию на 2019 г. в нем обучались около 450 студентов [71]. На 2016 г. в Китай по государственным стипендиям были направлены 465 эквадорских студентов, из них — 383 человека по программам от шести месяцев [42].

Концепция «мягкой силы», предложенная Дж.Наем, активно прокладывает Китаю путь к развитию региональных и межрегиональных отношений, что дает стране возможность установить крепкие связи, облегчает продвижение собственных ценностей и культуры и укрепляет влияние в рамках диалога без применения угроз и без принуждения. КНР смогла определить те государства и регионы, где можно выстраивать взаимовыгодные отношения путем осуществления широкого культурного обмена, и реализует внешнюю политику, основывающуюся на принципах «гармоничного мира», взаимного диалога и духовно-культурного обогащения. Разнообразие же культуры и обычаев стран ЛА сделали регион одним из важных направлений продвижения китайской «мягкой силы».

Рассмотренные в данной статье кейсы дают представление об основных особенностях китайской политики «мягкой силы», а ее актуальные на сегодняшний день инструменты могут быть использованы для изучения особенностей реализации «мягкой силы» КНР в других латиноамериканских государствах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Maggiorelli L. Chinese Aid to Latin America and the Caribbean: Evolution and Prospects. *Revista Internacional de Cooperación y Desarrollo*. Cartagena, 2017, vol. 4, N 2, pp. 28–50 (DOI: <https://doi.org/10.21500/23825014.3335>).
2. Sókov I.A. Enfoques de EE.UU. y China para colaborar con los países de América Latina en el siglo XXI. *Iberoamérica*. Moscow, 2021, N 2, pp. 168–191 (DOI: 10.37656/s20768400-2020-2-08).
3. The National Security Strategy – March 2006. GlobalSecurity.org. Available at: <https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/national/nss-060316-08.htm> (accessed 14.07.2021).
4. Obama urges direct diplomacy with Latin America. *The Arizona Republic*, 23.05.2008. Available at: http://archive.azcentral.com/news/election/election08/articles/2008/05/23/2008_0523obama0523latinamerica.html (accessed 14.07.2021).
5. Weeks G. The Future of U.S. Policy Toward Latin America. *Georgetown Journal of International Affairs*. 10.08.2017. Available at: <https://www.georgetownjournalofinternationalaffairs.org/online-edition/2017/8/16/the-future-of-us-policy-toward-latin-america> (accessed 14.07.2021).
6. Súdarev V.P. Política latinoamericana de Donald Trump. *Iberoamérica*. Moscow, 2019, N 1, pp. 5–24.
7. Сударев В.П. Возможности и пределы гегемонии США в Латинской Америке. *Латинская Америка*. М., 2019, № 11, сс.6–14. [Sudarev V.P. Vozmozhnosti i predely gegemonii SSHA v Latinskoi Amerike [Possibilities and limits of the US hegemony in Latin America]. *Latinskaja Amerika*. Moscow, 2019, N 11, pp. 6–14. (In Russ.). (DOI:10.31857/S0044748X0006894-2).
8. Contemporary U.S.-Latin American Relations: Cooperation or Conflict in the 21st Century? Wilson Center. 28.06.2010. Available at: <https://www.wilsoncenter.org/event/contemporary-us-latin-american-relations-cooperation-or-conflict-the-21st-century> (accessed 14.07.2021).
9. Varun R. China's Growing Influence in Latin America. *American Journal of Economics and Sociology*. United Kingdom, 2020, vol. 79, issue 1, pp. 233–244.
10. Morgenstern, S., Bohigues, A. Battling for the Hearts and Minds of Latin Americans: Covariance of Attitudes toward the United States and China. *Latin American Research Review*. Cambridge, 2021, vol. 56, N 2, pp. 280–299.
11. Cardenal J.P. China seduce a golpe de talonario a las élites de América Latina. *El País*, 05.IX.2018.
12. Méndez D. El poder blando de China. *ZaiChina*. 14.05.2010. Available at: <https://zaichina.net/2010/05/el-poder-blando-de-china/> (accessed 27.04.2021).
13. Rodríguez Aranda I., Van de Maele D.L. El soft power en la política exterior de China: consecuencias para América Latina. *Polis, Revista Latinoamericana*. 2013, vol. 12, N35, pp. 497–517. Available at: <https://journals.openedition.org/polis/9179> (accessed 27.04.2021).
14. Ospina Estupinan J.D. The coverage of China in the Latin American Press: Media framing study. *Cogent Arts & Humanities*. United Kingdom, 2017, vol. 4, issue 1, pp.1–16.

15. Гарбарт М.И. «Мягкая сила» КНР в Латинской Америке в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь». *Вестник Томского государственного университета. История*. 2020, № 66, сс.79–85. [Garbart M.I. «Miagkaia sila» KNR v Latinskoi Amerike v kontekste realizacii iniciativy «Odin poias, odin put'» [Chinese soft power in Latin America in context of “One belt, one road” implementation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*. 2020, N 66, pp.79–85. (In Russ.). (DOI: 10.17223/19988613/66/10).
16. Eichenauer V.Z., Fuchs A., Brückner L. The effects of trade, aid, and investment on China's image in Latin America. *Journal of Comparative Economics*. 2021, vol. 49, issue 2, pp.483–498. Available at: https://econpapers.repec.org/article/eejcecon/v_3a49_3ay_3a2021_3ai_3a2_3ap_3a483-498.htm (accessed 19.04.2021).
17. Feng Yi, Bob Zeng Q. Economic relations and the public image of China in Latin America: a cross-country time-series analysis. *Economic and Political Studies*. United Kingdom, June, 2021, pp. 1–27. (DOI: 10.1080/20954816.2021.1914414).
18. Shambaugh D. China's Soft-Power Push: The Search for Respect. *Foreign Affairs*. New York, 2015, vol. 94, N4, pp. 99–107.
19. Shuangrong He, Wu Baiyi, Yuan Dongzhen, Dong Jingsheng, Yang Jianmin, Su Zhenxing, Jiang Shixue. El poder blando y la continuidad de la cooperación entre China y América Latina. *Pensamiento Social Chino Sobre América Latina*. Ed. by Wu Baiyi. Buenos Aires, CLACSO, 2018, pp. 315–336. (DOI <https://doi.org/10.2307/j.ctvnp0jw3.16>).
20. Armony A.C., Velásquez N. Anti-Chinese Sentiment in Latin America: An Analysis of Online Discourse. *Journal of Chinese Political Science*. Germany, 2015, vol. 20, issue 3, pp. 319–346 (DOI <https://doi.org/10.1007/s11366-015-9365-z>).
21. Díaz Pinzón P.A., Ojeda Perez R. Estrategia Cultural China Para Entrar En Los Mercados de América Latina. El Caso de Colombia Bajo El Soft Power. *EasyChair Preprint*. 2021, N 5416, 19 p. Available at: https://easychair.org/publications/preprint_open/c3mH (accessed 05.09.2021).
22. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. *Public Affairs*. New York, 2005, 191 p.
23. China's Policy Paper on Latin America and the Caribbean. FMPRC, 2008, pp.261–276. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/bbm%3A978-3-319-66721-8%2F1.pdf> (accessed 02.04.2021).
24. China's Policy Paper on Latin America and the Caribbean. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 24.11.2016. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1418254.shtml#:~:text=In%202008%2C%20the%20Chinese%20government,Latin%20American%20and%20Caribbean%20countries (accessed 02.04.2021).
25. Portador García T., Solórzano Tello O.A. Soft power y nueva diplomacia china en el siglo XXI con países del sur global: el caso latinoamericano. *Revista Mundo Asia Pacífico*. 2019, vol. 8, N14, pp. 28–44. Available at: <file:///C:/Users/TEMP.DESKTOP-P3TRCNU.006/Downloads/mclavijo,+Soft+power+y+nueva+diplomacia+china+en+el+siglo+XXI+con+pa%C3%81ses+del+sur+global+el+caso+latinoamericano.pdf> (accessed 11.04.2021). (DOI: 10.17230/map.v8.i14.02).
26. Colombia y China: treinta años de amistad y cooperación. Ministerio de Relaciones Exteriores. Bogotá, 2010. Available at: https://www.cancilleria.gov.co/sites/default/files/China-Colombia_WEB.pdf (accessed 15.04.2021).
27. Connelly M. La Política Exterior de Taiwan. *Estudios de Asia y Africa*. México, 1996, vol. 31, N2 (100), pp. 271–290.
28. Zhao's L. America Trip: Seeing is Believing. *Beijing Review*. 1985, vol. 28, N47, pp. 6–7. Available at: <https://www.marxists.org/subject/china/peking-review/1985/PR1985-47S.pdf> (accessed 01.04.2021).
29. Ellis E. Chinese Soft Power in Latin America: A Case Study. *Joint Force Quarterly*. Washington, 2011, issue 60, pp. 85–91.
30. Gonzalez-Vicente R. China and the United States in the Andes. *China, The United States, and the Future of Latin America: U.S.-China Relations*. Ed. by Denoon D.B.H. New York University Press, 2017, pp.209–231.
31. López-Calvo I. The Affinity of the Eye: writing Nikkei in Peru. Arizona, The University of Arizona Press, 2013, 256 p.
32. Lausent-Herrera I. Tusans (tusheng) and the Changing Chinese Community in Peru. *Journal of Chinese Overseas*. Leiden, 2009, vol. 5, issue 1, pp.115–152.

33. Perú: Perfil Sociodemográfico. Informe Nacional. Censos Nacionales 2017: XII de Población, VII de Vivienda y III de Comunidades Indígenas. Instituto Nacional de Estadística e Informática. Lima, 2018. Available at: https://www.inei.gob.pe/media/MenuRecursivo/publicaciones_digitales/Est/Lib1539/libro.pdf (accessed 04.04.2021).
34. Moos F. Migration, globalization, instability, and Chinese in Peru. *Causes and Consequences of Human Migration*. Ed. by Crawford M.H., Campbell B.C. Cambridge and New York, Cambridge University Press, 2012, pp. 373–387.
35. Creutzfeldt B. Overcoming the Greatest Distance: China in Latin America. *E-International Relations*. 27.02.2019. Available at: <https://www.e-ir.info/2019/02/27/overcoming-the-greatest-distance-china-in-latin-america/> (accessed 04.04.2021).
36. Kennedy T., Vandenberg L. The Evolution and Preservation of Chinese-Peruvian Identity. *The Diplomat*. 12.03.2019. Available at: <https://thediplomat.com/2019/03/the-evolution-and-preservation-of-chinese-peruvian-identity/> (accessed 04.04.2021).
37. “1+3+6” 務實合作新框架 Available at: <http://m.shayaya.com/47084.html> (accessed 05.04.2021).
38. Rodríguez Pastor H. Perú Presencia china e identidad nacional. *Cuando Oriente llegó a América: contribuciones de inmigrantes chinos, japoneses y coreanos*. Washington, D.C., Banco Interamericano de Desarrollo, 2004, pp. 115–134.
39. Истории из уст Си Цзиньпина. Пер. с кит. Семенова А.В., Семеновой Т.Г. Отдел комментариев и рецензий газеты «Жэньмин жибао». Москва, Шанс, 2019, 399 с. [Istorii iz ust Si Czin'pina. Per. s kit. Semenova A.V., Semenovoj T.G. Otdel kommentarijev i recenzij gazety «Zhen'min zhibao» [Stories from the mouth of Xi Jinping]. Department of comments and reviews of the newspaper “Zhenmin Zhibao”. Moscow, Chance, 2019, 399 p.
40. ESPECIAL: Guillermo Dañino Ribatto, un sinólogo que quiere ser chino en la próxima vida. *Xinhua Español*, 23.11.2016. Available at: http://spanish.xinhuanet.com/2016-11/23/c_135853578.htm (accessed 07.04.2021).
41. Mandarin D. Confucius Institutes Around the World – 2021. 22.02.2021. Available at: <https://www.digmandarin.com/confucius-institutes-around-the-world.html> (accessed 28.12.2021).
42. Is China Both a Source and Hub for International Students? Center for Strategic and International Studies. Available at: <https://chinapower.csis.org/china-international-students/#:~:text=According%20to%20China%27s%20Ministry%20of,35%20percent%20increase%20from%202012> (accessed 14.04.2021).
43. US labels Confucius Institute a Chinese “foreign missions”. *BBC NEWS*, 14.08.2020. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-53773776> (accessed 28.09.2021).
44. Зверева В.С. Китай на просторах Латинской Америки: современные геополитические реалии. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2019, № 2, сс.171–183. [Zvereva V.S. Kitaj na prostorah Latinskoi Ameriki: sovremennye geopoliticheskie realii [China's Presence in Latin America: Present-Day Geopolitical Realities]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorii i politicheskie nauki*. 2019, N 2, pp.171–183 (In Russ.). (DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-171-183).
45. He L. How China Is Closing the Soft Power Gap in Latin America. *Americas Quarterly*. 12.04.2019. Available at: <https://www.americasquarterly.org/article/how-china-is-closing-the-soft-power-gap-in-latin-america/> (accessed 11.04.2021).
46. Nash N.C. Peruvian State Iron Company Finds a 'Private' Buyer: China. *The New York Times*, 31.12.1992.
47. Urriola Canchari N., Osterloh Mejía M., Xiangzheng Deng. The impact of Chinese Foreign Direct Investment on economic growth of Peru: a short and long run analysis. *Latin American Journal of Trade Policy*. Santiago, 2020, vol.3, N 6, pp. 32–47. (DOI: 10.5354/0719-9368.2020.57165).
48. Гарбарт М.И. Основные источники «мягкой силы» КНР в Латинской Америке на современном этапе. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2019, т. 21, № 4(80), сс. 907–914. [Garbart M.I. Osnovnye istochniki «miagkoj sily» KNR v Latinskoi Amerike na sovremennom etape [Main Sources of Chinese “Soft Power” in Latin America in the Modern Era]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019, vol. 21, N 4 (80), pp. 907–914. (In Russ.). (DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-907-914>).
49. Rust S. Tensions rise in Ecuador and Peru as Chinese fishing fleet moves south from Galapagos. *Los Angeles Times*, 23.09.2020.
50. Chilean navy ships monitor huge Chinese fishing fleet. *BBC NEWS*, 15.12.2020. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-latin-america-55316326> (accessed 11.04.2021).

51. García E. Bolivia, China team up on communications satellite. *Reuters*, 01.04.2010. Available at: <https://www.reuters.com/article/idUSN0111911620100401> (accessed 12.04.2021).
52. Chalup Liendo G.J. Thirtieth Anniversary of China-Bolivia Diplomatic Relations: A Broader Diplomatic Agenda. *China Today*, 24.06.2015. Available at: http://www.chinatoday.com.cn/english/columns/2015-06/24/content_693402.htm (accessed 12.04.2021).
53. China, Bolivia agree to jointly advance Belt and Road cooperation. *CGTN*, 28.01.2021. Available at: <https://news.cgtn.com/news/2021-01-28/Xi-Jinping-holds-phone-conversation-with-Bolivian-president-XqqNBurD8c/index.html> (accessed 13.04.2021).
54. Confucius Institute in Bolivia opens at the University of St. Simon. AIDDATA. Available at: <https://china.aiddata.org/projects/39075> (accessed 12.04.2021).
55. Ramos D. Bolivia signs deal with China's Sinopharm for coronavirus vaccine. *Reuters*, 11.02.2021. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-bolivia-vaccine-idUSKBN2AB1BB> (14.04.2021).
56. Wong B. China's Mask Diplomacy. *The Diplomat*. 25.03.2020. Available at: <https://thediplomat.com/2020/03/chinas-mask-diplomacy/> (accessed 28.09.2021).
57. Palencia Simijaca Y.S. La Cámara Colombo China de Inversión y Comercio (CCCHIC): una entidad de conocimiento y producción intelectual. Informe Presentado para Optar al Título de Profesional en Negocios Internacionales. Bogotá, 2021, 23 p. Available at: <https://repository.usta.edu.co/bitstream/handle/11634/33608/2021yulipalencia.pdf?sequence=1> (accessed 15.04.2021).
58. Alcalde Pumarejo anuncia que China donará 30 mil mascarillas para personal médico. *El Heraldó*, Bogotá, 14.04.2020.
59. Ibagué se integra al mundo. Alcaldía Municipal de Ibagué. 27.07.2017. Available at: <https://www.ibague.gov.co/portal/seccion/noticias/index.php?idnt=3327> (accessed 17.04.2021).
60. Blanco Rubiano Y.M. Creación de Institutos Confucio en Colombia y la política exterior de China. Estudio de caso: Instituto Confucio de la Universidad Jorge Tadeo Lozano 2012 - 2016. Bogotá, 2017, 111 p. Available at: <https://expeditiorepositorio.utadeo.edu.co/bit-stream/handle/20.500.12010/3136/e9e80d139f%20cb81c569e2a10a26ac028e.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 17.04.2021).
61. 哥伦比亚牛年春节好戏连台 Belt and Road Portal. 07.02.2021. Available at: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/roll/164237.htm> (18.04.2021).
62. El "Chinatown" que empresarios asiáticos sueñan construir en Bogotá. *El Tiempo* (Bogotá), 18.09.2019.
63. Acosta J. ¿China town? Comerciantes chinos se adueñan de San Victorino y otros sectores de Bogotá. *Portafolio*, 25.05.2016. Available at: <https://www.porta-folio.co/economia/china-town-comerciantes-chinos-aduenan-san-victorino-otros-sectores-bogota-496341> (accessed 19.04.2021).
64. Gómez D.A., Díaz L.M. Las organizaciones chinas en Colombia. *Migración y Desarrollo*. Zacatecas, 2016, vol. 14, N 26, pp. 75–110. (DOI: <https://doi.org/10.35533/myd.1426.dag.lmd>).
65. Reyes Herrera M., Chun Lee P. La relación China-Ecuador en el siglo XXI: elementos relevantes para la discusión. Quito, Instituto de Altos Estudios Nacionales (IAEN), Centro de Economía Pública y Estudios Estratégicos, 2017, 43 p.
66. Declaración conjunta entre la República Popular China y la República del Ecuador sobre el establecimiento de la asociación estratégica integral. Portal de la Franja y la Ruta. 18.10.2016. Available at: <https://esp.yidaiyilu.gov.cn/document/bilateral/32810.htm> (accessed 23.04.2021).
67. Sister Cities. Huai'an Municipal Government. Available at: <http://english.huaian.gov.cn/Government/Cities/list.html> (accessed 23.04.2021).
68. 市级友好城市 Foreign Affairs Office of Shanghai Municipality. Available at: <http://wsb.sh.gov.cn/node550/index.html> (accessed 23.04.2021).
69. Colonia China en el Ecuador, 110 años de una sociedad que ampara al migrante chino. *El Universo*, Guayaquil, 15.11.2018.
70. Inmigrantes chinos llegan a Ecuador por mejorar su calidad de vida. *Tertulia*. 14.05.2010. Available at: http://collageinformativo.blogspot.com/2010/05/inmigrantes-chinos-llegan-ecuador-por_14.html (accessed 26.04.2021).
71. Instituto Confucio. Universidad San Francisco de Quito. Available at: <https://www.usfq.edu.ec/es/instituto-confucio> (accessed 27.04.2021).

Аркадий Максимов, Юрий Николаев

Arkady D. Maximov (maksimovarkadiy96@gmail.com)
Specialist of the Committee for External Relations of St. Petersburg, postgraduate student of St. Petersburg State University

Universitetskaya nab., 7/9, 199034 St. Petersburg, Russian Federation

Yury V. Nikolaev (yura.nik95@gmail.com).
Postgraduate student of St. Petersburg State University

Universitetskaya nab., 7/9, 199034 St. Petersburg, Russian Federation

China's "soft power" on the example of members of the Andean Community of Nations

Abstract. In this article, the authors conclude that the "soft power" of the PRC, despite its lagging positions from the same "soft power" of the United States in Latin America, is gradually attracting more and more audiences in Latin American states. At the same time, thanks to the carefully thought-out (although slow) offensive cultural policy of absorption and "capture", the PRC is extending its economic and sometimes political influence within Latin American region.

Key words: Latin America, PRC, "soft power", Peru, Colombia, Bolivia, Ecuador.

DOI: 10.31857/S0044748X0018831-3

Received 12.10.2021.